

ВИКТОР ГРОССМАН

К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. ПУШКИНА

А Р И О Н

В. А. Гроссман — писатель и литературовед, живущий в Вологде, много лет занимался изучением творчества А. С. Пушкина. Итогом этих изучений явился роман В. А. Гроссмана «Арион». Роман был выпущен издательством «Советский писатель» и быстро разошелся. Третья часть романа под названием «После восстания» была издана отдельной книгой в Северо-Западном книжном издательстве. В настоящее время роман «Арион» переводится на чешский язык. Предлагаем вниманию читателей отрывок из романа.

Пушкин стал масоном. На первом же собрании он увидел майора Раевского и Николая Степановича Алексеева. Остальные были ему мало знакомы. Кроме двух русских генералов Пушкина и Тучкова, начальника ложи и казначея, Пушкин разглядел двух французских офицеров, французского адвоката, еврея-аптекаря, двух докторов, испанца и немца, двух сербов из местных купцов да еще несколько человек неведомых наций и неопределенных занятий. По привычке иметь наготове стихи про всякий случай, Пушкин с легкой улыбкой произнес:

Какая смесь одежд и лиц,
Племен, наречий, состояний!

Эти стихи он недавно сочинил о разбойничьей шайке, но как кстати пришли они к членам кишиневской ложи. Хотя Пушкин и не собирался принимать участие в масонских ритуалах, все же ему выдали белый кожаный передник — запон и длинные белые перчатки для будущей невесты. Поэт узнал, что собрания бывают приемные, праздничные, фамильные или хозяйственные и печальные.

После одного из печальных собраний,

на котором много говорилось о нравственном самоусовершенствовании, Пушкин вернулся домой в угнетенном состоянии. Быть может, и не стоило принимать близко к сердцу лицемерные воздыхания кишиневских масонов о том, что современное общество погрязло в грехах и распутстве, что корысть господствует там, где должно ожидать благочестия и любви к ближнему, что о ближнем думают только тогда, когда с этого ближнего можно что-нибудь сорвать. Но в Пушкине давно уже зрела потребность задумываться над своей жизнью, отдать себе отчет в прошлых поступках, прочитать свиток с летописью последних дней, оправдать их или осудить.

Он улегся в постель, но заснуть не мог. Сердце стучало неровно и тяжело. Томила бессоница. Воспоминание неуловимо воспроизводило всю жизнь последних лет с ее суетней, ошибками, неловкостями. Жаль было молодых дней, горько сознавать, что они прожиты бесполезно, бесполезно, безрадостно и порою недостойно. Ну для чего, к примеру, он так долго гостил у каменских богачей! Разве он сумеет

когда-нибудь отблагодарить их за гостеприимство своею хлеб-солью? А разве к доброму старику Инзову, к Инзушке, он не проявил такой же неблагодарности? Старик давал ему свободу большую, чем позволил бы Петербург, защищал его от упреков свыше и от нападок молдавских бояр. А когда он играл а карты на мелок или брал деньги взаймы у богатых приятелей, разве тогда он не чувствовал, что такие займы или чрезмерные ставки унижают его достоинство? Сколько укулов беспощадной совести вытерпела его мятущаяся душа! Няня сказала бы, что надо отогнать смущающего беса заклинаниями: «Аминь, аминь, рассыпся!» Но Пушкин со своими бесами боролся иначе: отгонял их не крестом, а пером. Только на этот раз он взялся не за стихи, а за письмо. Его заботила судьба младшего брата, молодого человека, дворянина без состояния и без большого таланта. Как-то сложится его характер и образуется жизнь?

Марат, чтобы предостеречь младшего брата от общения с развратными женщинами, повел его в госпиталь, где лежали больные поклонники Киприды. Зрелище было столь ужасно, что жестокий воспитатель преуспел в своих целях.

Брату Льву не покажешь того госпиталя, где лечатся пострадавшие от связей дружеских, светских, деловых и им подобных.

И Пушкин невольно перешел от исповеди к прямому назиданию:

«Ты в том возрасте,—писал Пушкин брату по-французски,—когда следует подумать о выборе карьеры. Я уже из-

ложил тебе причины, по которым военная служба кажется мне предпочтительнее всякой другой. Во всяком случае твое поведение надолго определит твою репутацию, а может быть, твое благополучие».

Далее шли правила в повелительной форме:

«Будь холоден со всеми!.. Не проявляй услужливости и обуздывай сердечное расположение!.. Никогда не принимай одолжений! Одолжение, чаще всего, предательство. Избегай покровительства! Я хотел бы предостеречь тебя от обольщенной дружбы!».

Можно ли было в таком нравственно-назидательном письме не коснуться женщин?

«То, что я могу сказать тебе о женщине, было бы совершенно бесполезно. Замечу только, что чем меньше любви мы женщине, тем вернее можем овладеть ею. Однако, забавая эта достойна старой обезьяны 18-го века».

Дальше снова пошли нравоучения:

«Не забывай никогда умышленной обиды! Не делай долга! И прочее. Правила, которые я тебе предлагаю, приобретены мною ценою горького опыта. Хорошо, если б ты мог их усвоить, не будучи к этому вынужден. Они могут избавить тебя от дней тоски и бешенства. Когда-нибудь ты услышишь мою исповедь; она дорого будет стоить моему самолюбию, но меня это не остановит, если дело идет о счастье твоей жизни».

Закончив письмо, Пушкин вздохнул и про себя прибавил: «Впрочем, это между нами и потомством будь сказано!».